

© О. К. ХМЕЛЬНИЦКИЙ, 2002

УДК 616-091:92 САРКИСОВ

ПАМЯТИ ДРУГА

В ноябре 2000 г. оборвалась жизнь выдающегося отечественного патолога Доната Семеновича Саркисова. Я познакомился с ним в далеком 1947 г., когда он, юный врач, выпускник Военно-морской медицинской академии, появился в патолого-анатомической лаборатории Ленинградского НИИ скорой помощи, где я тогда работал. Он обратился с просьбой помочь ему в описании морфологических изменений в печени у экспериментальных животных. Тогда он занимался по поручению И. И. Джанелидзе выяснением вопроса о возможном токсическом влиянии таннина на ткань печени при лечении ожогов по способу Бетмана. Помню, я посоветовал Донату Семеновичу в начале этой работы воспользоваться прекрасным описанием изменений в печени, которое имеется в книге М. Э. Мандельштама. Он был в восторге от этого руководства, чрезвычайно быстро освоил все имеющиеся тогда в распоряжении методы гистологического исследования печени и соответствующие описания патологических изменений в ней.

Наше знакомство и наша параллельная работа по патологии термических ожогов в стенах НИИ скорой помощи в Ленинграде быстро переросли в дружбу, которая продолжалась более 50 лет, дружбу, которая никогда не омрачалась какими-либо размолвками, основывалась на взаимном уважении и доверии и, что самое главное, цементировалась интересами дела, преданностью избранной нами специальности.

Уже тогда Доната Семеновича, работавшего внештатным сотрудником НИИ скорой помощи и выполнявшего под руководством талантливого патофизиолога проф. Г. Л. Френкеля кандидатскую диссертацию, характеризовала необычайная целеустремленность. Его отличала живость во всем — в работе и в обычной жизни. Он был невероятно подвижен, я бы сказал стремителен, он не мог стоять или сидеть спокойно, расслабляясь. Он постоянно был в движении. Очень любил и понимал шутку, юмор, сыпал как из рога изобилия анекдотами. А его не-

посредственный, заразительный смех, его жизнерадостность были притягательны. Подобное поведение не было игрой на публику, это исходило изнутри него, искренне. Поэтому немудрено, что мы как-то сблизились, поскольку и я смолodu и до седых волос сохранил чувство юмора.

Донат Семенович быстро обогнал меня в нашем невольном соревновании — выполнении кандидатских диссертаций. Моя работа тоже была посвящена ожогам и именовалась "О патолого-анатомических изменениях в коже и внутренних органах при обширных термических ожогах". Я ее закончил позже, чем Донат Семенович, который успешно защитил свою кандидатскую диссертацию в Ученом совете Военно-морской медицинской академии. Там он произвел очень благоприятное впечатление на членов совета, и на него "положил глаз" замечательнейший наш ленинградский патологоанатом Соломон Самуилович Вайль.

Конечно, после успешной защиты состоялся неминуемый "скромный товарищеский ужин". На этом ужине я позволил себе прочесть от имени нашей патоморфологической лаборатории Донату Семеновичу поздравление, в котором имелись и шуточные стихотворные строчки, которые я привожу, несмотря на некоторую их фривольность:

"Когда за семенной канатик тебя потянет оппонент,
Не плачь, мой маленький Донатик, как пред экзаменом студент.

Скажи ему с спокойной миной, свое презренье не тая,
Чтоб кошке мазать хвост танином, быть нужно гением, как я".

Тогда поздравление вызвало всеобщее одобрение. И расходясь после милого банкета, друзья, шуточно обращаясь к Донату Семеновичу, говорили: "Ну, гений, не подкачай дальше". И он не подкачал. Он стал выдающимся патологом нашей страны.

Через очень короткое время после защиты Доната Семеновича пригласил к себе на кафедру С. С. Вайль. Здесь

Донат Семенович прошел большую школу и сформировался в высококвалифицированного патологоанатома. Очень скоро он стал в буквальном смысле слова украшением кафедры. Восприняв все лучшее от своего учителя, он уже тогда выбирал свои оригинальные пути в научных исследованиях, свидетельством чего стала его докторская диссертация, в основе которой лежали новые методологические подходы к морфологическим исследованиям нервной системы в патологии. Надо сказать, что благодарность к своему учителю С. С. Вайлю Донат Семенович сохранял до конца его жизни. Трогательно проявлял заботу и внимание к нему. Бывая в Ленинграде, он всегда навещал его, свидетелем чего я был, постоянно поддерживал с ним связь и помогал словом и делом в минуту жизни трудную.

После внезапной смерти матери, когда отец Доната Семеновича выдающийся нейрофизиолог Семен Александрович Саркисов остался один, Донат Семенович переехал в Москву. Начался его московский период жизни, его взлет на научный Олимп. Всегда есть среди людей злопыхатели, которые стараются объяснить высокие достижения не достоинствами человека, а протекционизмом со стороны родителей или близких. Несмотря на то что отец Доната Семеновича был очень влиятельной фигурой и занимал должность главного ученого секретаря Академии медицинских наук, к восхождению Доната Семеновича на научный Олимп он не имел отношения. Я живой свидетель того, что Донат Семенович сам, собственными руками строил свою жизнь в науке без всякой протекции. Да он и не нуждался в ней, так как был необычайно одаренным, талантливым человеком с оригинальным мышлением, необычайно трудолюбивым, целеустремленным, увлекающимся. Он был предан науке. Научная сфера деятельности была для него тем воздухом, без которого он не мог существовать. Это была его стихия. Без нее он не мог жить и в дальнейшем, когда уже много лет будучи главным ученым секретарем Академии медицинских наук, не мог пройти мимо какого-либо мало-мальски интересного научного исследования не только в области патологии, но и в других отраслях знаний. Он проявлял всегда повышенный интерес ко всему новому, заботился об исследователях. Стоит ли поэтому удивляться, что он одним из первых внедрил у нас в стране электронную микроскопию в изучение общепатологических процессов и создал свое оригинальное учение о регенерации, ставшее уже классическим. В последние годы он дополнил свою теорию представлениями о рекомбинации, расширив горизонты созданной им концепции. Для Доната Семеновича характерно было не замствование чего-то нового из иностранной литературы, а создание собственных оригинальных представлений.

Его интересы объединяли клинику и патоморфологию. Будучи патологом широкого профиля, он всегда сочетал клинический опыт с теоретическими наблюдениями. Его привязанность к проблемам клиники исходила из его представления о месте патологической анатомии в практической медицине. Не потому ли он, перегруженный работой главного ученого секретаря Президиума РАМН, согласился стать главным патологоанатомом Минздрава РФ, чтобы "держать руку на пульсе" практической деятельности патологоанатомов и помочь в трудные для отечественной медицины годы патологической анатомии.

Нет надобности перечислять все научные достижения Доната Семеновича, которые, безусловно, уже вошли в золотой фонд отечественной медицины. Я не ставил перед собой такой задачи. Об этом сказано в официальном некрологе. Мне хочется только подчеркнуть приверженность Доната Семеновича идее необходимости создания в медицинском образовании курса общей патологии. Он был яростным поборником этого крайне нужного в системе медицинских знаний направления. И лучшей формой увековечения памяти нашего замечательного друга, выдающегося отечественного патолога было бы расширение опыта Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова в других медицинских академиях и уни-

верситетах России по созданию кафедр или специального курса по общей патологии.

Жизнерадостность и доброжелательность отличали Доната Семеновича во всех проявлениях жизни — и в обычном общении, и в деле. Он трудился в буквальном смысле слова не покладая рук, совмещая высокую административную должность, заведование крупной лабораторией с необычно продуктивной научной деятельностью. Можно было только удивляться, когда он все это успевал. Он был одарен литературным талантом. Стоит только ознакомиться с его опубликованными трудами. Его увлекало обобщение, осмысливание научных данных. И здесь он проявлял необычайное мастерство в изложении. Поистине огромная эрудиция не только в сфере патологии, но и в вопросах философии, истории, литературы позволяли ему писать "широкими мазками", прибегая к ассоциативному типу изложения соответствующих медицинских проблем. В этом отношении он резко отличался от исследователей, которые излагают бесстрастно свои данные и соображения в сухой "бухгалтерской" манере.

Сказанное объясняет, почему Донат Семенович невольно занял лидирующее положение в отечественной медицине. Могу сказать откровенно, что, несмотря на то что Донат Семенович был моложе меня на 4 года и я когда-то помогал ему осваивать азы описания гистологических изменений в печени, для меня он уже давно стал "старшим" не по званию и должности, а по знаниям. Он был лидером нашего поколения патологоанатомов, которые начали свою деятельность во время Великой Отечественной войны и в ближайшие после нее годы.

После ухода из жизни наших замечательных предшественников — выдающихся патологов современности Н. А. Краевского, А. И. Струкова, А. П. Авцына — Донат Семенович по существу как бы перенял из их рук лидерство и пользовался непререкаемым авторитетом. И в том, что он много лет был бессменным главным ученым секретарем Академии медицинских наук, есть выражение признания его огромного научного авторитета. В этой должности, которую он исполнял чрезвычайно добросовестно и нес как своеобразный крест, он сделал очень много хорошего.

Сделал он много, мог сделать еще больше и в науке, и в организационных делах. Мои последние встречи с ним в его кабинете и в домашней обстановке не предвещали ничего дурного. Он был, как всегда, импульсивен, деятелен, строил планы на ближайшее время, беспокойся о прохождении приказа о патологоанатомической службе. До самых последних дней жизни он продолжал активную деятельность. Он умер так, словно соскочил с подножки идущего поезда жизни в небытие.

Хотя мы, его близкие друзья, к сожалению, сознавали его недолговечность, так как знали о его смертельном заболевании, внезапная смерть его полоснула острейшей болью сердце.

Ушел из жизни выдающийся, талантливейший отечественный патолог. Ушел в расцвете творческих сил. Ушел добрейший человек большой души. Ушел патриот, всегда беспокоившийся о судьбах отечественной науки, активный общественный деятель. Ушел человек большого интеллекта и творческого потенциала. Его уход — это огромнейшая потеря для клинической патологии и всей отечественной науки.

Трудно смириться с его потерей. Еще не одно поколение будет обращаться к его научным трудам. Мы, его сверстники, потеряли чудесного старшего товарища. Когда-то К. Н. Батюшков сказал: "О память сердца, ты сильней рассудка памяти печальной". Нам, друзьям Доната Семеновича, тяжело сознавать, что мы уже никогда не увидим его улыбку, не услышим его непередаваемую, захватывающую яркую речь, не сможем общаться с ним. Прощай, дорогой Донат. Вечная тебе память!

*От имени твоих друзей Олег Хмельницкий, президент
Российского общества патологоанатомов, член-корреспондент РАМН*